

УДК 1(092)

**КОНФИГУРАЦИЯ ПОЛЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ
В 1990 – 2000 гг. XX – XXI вв.****В. И. Красиков****AFOCUS OF INTELLECTUAL ATTENTION OF RUSSIAN PHILOSOPHY
AND ITS INNER CONFIGURATION IN THE 1990 – 2000 YEARS OF XX – XXI CENTURIES****V. I. Krasikov**

Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения научно-исследовательского проекта № 2.1.3/4245, Аналитической ведомственной целевой программы "Развитие научного потенциала высшей школы" 2009-2011 гг. Министерства образования и науки РФ, Федерального агентства по образованию.

Статья посвящена анализу процессов, происходивших в отечественной философии последних двух десятилетий. В работе выявлены основные тенденции духовных изменений в сообществе философов, связанные с переходом от идеологического единomyслия к современному плюрализму. Автор эксплицировал четыре наиболее характерных позиции, свойственные современному состоянию философской мысли в России.

The article analyzes the processes that occurred in Russian philosophy of the last two decades. The paper identified key spiritual trends of changes in the community of philosophers associated with the transition from an ideological unity of mind to modern pluralism. Author explicated the four most typical positions that are typical of the current state of philosophical thought in Russia.

Ключевые слова: русская философия 1990 – 2000 гг., основные дискуссии в поле интеллектуального внимания, доминирующие позиции, марксизм, гносеологизм, постмодернизм, контекстуализм.

Keywords: Russian philosophy of 1990 – 2000 years, the main debates in the focus of intellectual attention, dominant positions, Marxism, gnoseologism, postmodernism, contextualism.

Разгром идеологии и новый «девятый вал» духовного импорта вызвали глубокий кризис самоидентификации интеллектуального сообщества. Прежние идентичности были разрушены, новые обретались с трудом и медленно. Сложившееся было к середине 80 гг. в рамках советской философии единое поле внимания было утеряно, поскольку исчезли объединяющие понятийная система координат, тематика и проблематика. Кроме того, российские интеллектуалы оказались обильно «перекормлены» новыми идеями, поднакопившимися за «железным занавесом» в течение последних 70 лет, и их «пищеварительная система» явно отказала, погрузив их владельцев в состояние душевной сонливости и апатии.

Возникла ситуация *хаотического плюрализма и разновекторного движения* – при отсутствии общего поля интеллектуального внимания и привычной конфронтации-борьбы сильных фракций за приоритет в нем. Это порождает горестные, пессимистические констатации типа того, что философии в России как организованного дискурсивного пространства просто не существует. Есть локальные и даже весьма продуктивные группы, никак не связанные между собой ни по проблематике, ни по интересам, ни по пониманию задач философии.

Не всё, однако, столь грустно. Все эти два десятилетия шел интенсивный группогенез, затем фракциогенез, когда философствующие интеллектуалы объединялись и под идею, и под лидера. Его особенностями были:

а) идентификационные дискуссии в предметных и концептуальных рамках рождающихся либо трансформирующихся философских направлений;

б) образование неких аморфных, но *позиций* – как коалиций схожих по интересам и мировоззрению небольших групп.

Эти черты свидетельствуют о младости новой российской философии. Который раз, за два с небольшим века своей истории, она вынуждена начинать опять всё с самого начала.

Общая тенденция в процессах трансформации либо генезиса интеллектуальных групп в рамках аморфного полуразложившегося философского сообщества России 1990 – 2000 гг. – мучительные поиски и «конструирование» собственных идентичностей. Это происходит в разных по характеру парадигм дискуссиях, в выборах новых «святых угодников» для нового направления, в поисках союзников и врагов. Причем эти поиски не могли не принимать форму определения единственно аутентичной философии – здесь, сейчас и для нас: «Что значит философствовать в России сегодня? Где и как осуществляется ныне русская философия?»

Началась идентификационная дискуссия еще в СССР, в 1989, в общем поле интеллектуального внимания (марксистского), продолжалась и продолжается в последующие годы – в уже раздробленном на самодостаточные сегменты.

Ее затравкой послужила статья А. Л. Никифорова «Является ли философия наукой?», в которой автор, пользуясь набором неокантианских и позитивистских критериев (парадигмального, квантативности

научного языка, верификации-фальсификации и пр.), утверждал, что философия не является наукой в том смысле, в каком этот термин применяется к естественнонаучным дисциплинам.

Автор не открыл ничего особенно нового: это различие (по методу и предмету) стало классикой еще в XIX в. (Баденская школа), сюда были добавлены соображения представителей постпозитивизма (Кун и Лакатос). Но не будем забывать, что еще в начале 90 гг. о неокантианстве мы знали лишь в объеме «Критик современной буржуазной философии», а основные его тексты были напечатаны лишь в середине 90 гг.!

В конце же 80-х это было откровением, это было почти революционно для основного контингента преподавателей философии, особенно в провинции, воспитанных в истовой вере: «философия – царица всех наук», «философия – наука о наиболее общих законах развития мира и человека» и т. п.

Конечно же, не было недостатка в старых добрых пафосных «гневных отповедях» и в обильном цитировании нетленок, утверждавших, что философия – альфа и омега наук. Так оформился край дискуссии супротив Никифорова – ортодоксально-марксистская часть сообщества (весьма, заметим, голосистая), особенно в то время ожидания реванша. Философия была, есть и будет фундирующей наукой поиска первопричин (Аристотель) и основой мировоззрения – такова, если рационализировать поток сознания, их позиция.

Дискуссия позволила впервые самоидентифицироваться и русским читателям текстов постмодернизма и аналитической философии. О чем вы, ребята, говорите? О какой благообразной с седыми буклями метафизике или же «философии как науке»? – когда виднейшие интеллектуальные клиницисты мира давно уже констатировали смерть пациента. Философия всегда была формой полурелигиозного, полуйдеологического мышления либо разновидностью досужей игры в бисер. В лучшем случае, если оставить метафизику популам, художникам и детям, философия остается как некая позитивная разработка в анализе текстов, языка и логики мышления.

Дальнейшие бурные социально-экономические события 1991 – 1993 гг. вместе со страной основательно расшатали и один из ее сегментов – философское сообщество. «Парад суверенитетов» большой социальной системы в 90 гг. конгруэнтно отразился и в одном из малых ее сегментов – философии.

Канули в Лету общие, волнующие всех дискуссии. Они стали уделом лишь «своих» – по мировоззрению и направлению. «Другие» демонстративно и, заметим, вполне искренне полагали их для себя незначимыми и малоинтересными, их участников – личностями, заслуживающими в лучшем случае интеллектуального сочувствия в отношении их явных заблуждений и ущербности.

Но жизнь философская продолжалась, хотя и на меньшем уровне общности. Дискуссии и здесь играли свою роль консолидации интеллектуальных

групп и генерирования новых идей, привели в итоге к формированию первых оформленных неким институциональным образом позиций-коалиций. Вкратце и неполно их можно обозначить следующим образом.

Ясное дело, что единым общим истоком, разделившимися на множество отдельных ручейков, было сообщество марксистов – других не было по определению, а если и были, то либо в глубоко латентном (даже для себя), либо в подпольном состоянии. Понятно, что предметные интересы членов этого мегаобщества разнились (онтология, гносеология, антропология и пр.), как и мировоззренческие аранжировки единоспасующего учения. Однако понадобились именно дискуссии более свободного формата перестроечного времени, дабы различия перешли из латентного в явные состояния обособления и выработки собственных новых идентичностей.

В перестроечные годы и вплоть до начала 90 гг. шла ревизия наследия советской философии, и страницы журналов пестрели риторическими вопрошаниями типа: «Просто ли быть марксистом в философии?», «Умер ли марксизм?» (в их постановке сквозило: «ох и непросто», «да нет же, жив курилка!»). Дискуссии по марксизму были первыми из последовавшей серии «идентификационных»: «кто мы, еще марксисты или уже немарксисты?»

Обозначились позиции ортодоксов, критических марксистов, немарксистов и антимарксистов. Самыми спокойными оказались третьи, обозначившие полное отсутствие интереса и к Марксу, и к марксизму, когда это стало невозбратным, и просто занявшиеся исследованиями и размышлениями в тех традициях, к которым они всё время тяготели. Наиболее шумными и воинственно настроенными оказались первые и последние. Первые ничего не забыли и ничему не научились, как и последние – скрытые антикоммунисты либо люди, не способные жить без какого-либо «спасающего» и единственно верного учения (таковым стал теперь либерализм).

Наиболее интересными оказались здесь «критические марксисты» – люди, не отказавшиеся от своих основ, но существенно их скорректировавшие, т. е. способные учиться и расставаться хотя бы с частью своих заблуждений. По большей части они представляли собой трансформировавшуюся ильенковскую группу, многие члены которой занялись широким спектром проблем (гносеология, социальная философия, антропология, этика и пр.), стали самостоятельными мыслителями.

Фракция «критических марксистов» и «неомарксистов», обрамляемая большой периферией преподавателей-ортодоксов, профессоров и доцентов, до сих пор еще составляющих основу чтецов философии в провинциальных вузах, может быть охарактеризована как «слабая». Да, она устойчива в институциональном отношении (кадры преподавателей, журналы, политическая поддержка левых), отличается похвальной верностью и истовостью своих членов. Вместе с тем она не привлекает особого внимания основообразующих сил публики, создаю-

щей у нас пространство интеллектуального внимания, – ведущих столичных интеллектуалов мира литературы, искусства и студенческой молодежи.

Возводят свою генеалогию к советской группе «критических марксистов» и представители другой, сейчас более влиятельной и сильной – *когнитивной* фракции (коалиции). Она появилась в качестве самостоятельной и самодостаточной уже на излете перестройки, и особенно в условиях «деидеологизации» российской философии, когда заниматься теорией познания и методологией, решать междисциплинарные проблемы, обеспечивая категориальным инструментарием естествознание, стало синонимом реального дела в философии. Тем более, что именно в отечественной гносеологии и методологии, хотя в целом и марксистско-материалистического толка, были созданы серьезные парадигмальные наработки, авторские и региональные школы.

В отличие от «онтологистов», накрепко пристегнутых к «материи» и «диалектике», гносеологи и эпистемологи имели широкое поле для маневра, т. к. классики не удосужились оставить сколь-нибудь внятных разработок по процессу познания и статусу знания. Ведь в сравнении с легко порождаемыми в области онтологии метафизическими спекуляциями гносеология требует ясно мыслимых и, что важнее всего, верифицируемых гипотез. Также налицо было серьезное влияние на формирующуюся в 70 – 80 гг. отечественную «философию науки» («философские проблемы естествознания и развития наук») неопозитивистской, постпозитивистской традиций и аналитической философии.

Сила когнитивистов – в контроле над государственными философскими институциями (большинство РАНовских структур и журналов, факультетов и образовательно-бюрократических структур), а также в поддержке академической элиты естественных наук. Имена их лидеров более всех известны рядовым философам – «пролетариям умственного труда» провинциальных и столичных вузов – и произносятся с соответствующим трепетом чинопочитания. По сути дела, это сейчас верхушка казенной институциональной философии в России, если так ее позволительно назвать. То есть они определяют, что изучать как «философию» в вузах и что почитать за «серьезную философию» в отличие от всяких там постмодернистов.

Как и всякая большая и сильная фракция, она подвергается внутренним испытаниям на единство, чреватым последующим дроблением. Общность познавательной тематики и сциентизм обеспечили временный союз в переходный период и перед лицом других, совершенно неприемлемых позиций. Однако, чем сильнее и влиятельнее союзники, тем больший соблазн установить «свое» единомыслие во всей группе. Тем более, что в корневой традиции на Западе мы можем наблюдать такое же внутреннее напряжение и борьбу в неопозитивистско-постпозитивистском стане.

Это споры между классическими и радикальными (школа «историков») рационалистами, между

классическим рационализмом западноевропейского извода и аналитической философией англо-американского направления. Воспроизводимы подобные противостояния в специфической форме и у нас. Речь идет, правда, о внутренних местных спорах, поскольку более силен объединительный импульс противостояния отечественному постмодернизму, который был особенно силен в 90 гг. прошлого века. Но вот супостат ослабел, претерпел ослабляющие дробления – значит, назрела пора внутренних размежеваний.

Таким образом, как и в случае с марксистами, мы имеем дело с неким союзом, коалицией философов, согласных друг с другом лишь в самом общем мировоззренческом смысле. Если марксистов объединяет признание парадигмальной роли концепции Маркса в решении большинства теоретических вопросов, то здесь таким объединяющим началом является признание сердцевинной теоретической философии исследований в области эпистемологии, а их основными регулятивами – методологическую рефлексию и рационально-критическую установку. В остальном же присутствуют разногласия между тремя, пока еще составными, частями коалиции – «ортодоксов» (комбинация неопозитивизма и марксизма), «релятивистов» («историки», социологические интерпретации) и «аналитиков».

Вторую по степени влиятельности после когнитивистов коалицию сил в поле интеллектуального внимания современного сообщества российских Любоумудров метафорически можно назвать «язычниками». Это философы, для которых анализ языка, текстов и «игр» составляет эпицентр внимания и творческого интереса. Это сторонники постмодернизма, герменевтики и современной феноменологии. Их генеалогия восходит к группе академических философов «историко-философской» тематики в советской философии, и в особенности М. Мамардашвили, равно как к идеологическому спецназу советской эпохи – «критике современной буржуазной философии». Впрочем, их первородство можно найти еще в литературоцентризме отечественной философии второй половины XIX в., художнической рефлексии Достоевского и Толстого.

Став «немарксистами» в итоге исходной раздельной дискуссии конца 80-х, они постарались побыстрее забыть догматический кошмар марксизма-ленинизма, тем более, что всерьез уверовали в новые евангелия.

Постмодернизм и герменевтика были восприняты нашими литературными кругами и частью сообщества гуманитариев еще в 70 – 80 гг., воплотившись, в частности, в творческой практике Московского концептуализма, в культур-философских проектах М. Бахтина, Ю. Лотмана, В. Библиера. Однако лишь на излете перестройки цензура ослабла настолько, что началась полноценная рецепция, появились постмодернистские авторы и философы. Реакция на эти идеи со стороны благонамеренного большинства, воспитанного в традициях реализма и марксизма, была вполне ожидаема: на них были на-

вешаны ярлыки махрового «иррационализма», оголтелого «релятивизма» и «аморализма», как на всех этих «стиляг, битников, хиппи, панков, металлистов и готов». И как в последних случаях, русским постмодернистам и иже с ними не оставалось ничего делать, как замыкаться в своем кругу и жить своей жизнью – в презрительно-ироничном противостоянии непонимающему окружению. И как всякое нонконформистское направление, а тут еще и основательно фундированное философски, оно привлекает к себе и молодежь, и, что важнее, людей среднего возраста. Возникает не только обычная в таких случаях субкультура, но и, в стиле свободной (журналистской) философии XIX в. – начала XX в., социальная сеть журналов, издательств, семинаров с группирующей вокруг них, по обыкновению, гуманитарной молодежью.

Как и всякая мощная критическая духовно-идеологическая волна (кинизм, буддизм, марксизм, фрейдизм, экзистенциализм и др.), периодически накатывающаяся на общества, постмодернизм обладал интенсивным ощущением собственной новизны и претензией на новое умственное зрение. Те же мессианиззм и нарциссизм мы видим и в отношении отечественных контрагентов, особенно в первоначальный «сектантский» период миссионерства и эсхатологических предчувствий. Отношение «большого общества» и традиционного философского сообщества было соответствующим – как к некоторой опасной духовной инфекции, которое отчасти, совершенно несправедливо, сохраняется и по сей день. Естественно, что философы-постмодернисты и примыкающие к ним стремились преодолеть эти предубеждения, разъяснить, проманифестировать свою новизну, войти в поле интеллектуального внимания не только части литературно-художественных кругов и столичного студенчества, но и провинциальных интеллектуалов, в том числе и преподавателей философии.

Постмодернизм стал в России 90 гг., вернее, в обеих столицах (по сути, это одно и то же), суперпозицией, подмывшей (ошеломив своей влиятельностью и яркостью) все другие. В эту коалицию-суперпозицию включилась первоначально практически вся столичная продвинутая молодежь, а вожди русского постмодернизма стали культовыми фигурами. Однако приедается, опривычивается всё, тем более, что подобное уже случилось ранее и на Западе. Россия, как всегда, приобщается к инновациям, в том числе и интеллектуальным, в режиме «догоняющей модернизации». По прошествии времени, по мере взросления молодежи, начинается интеллектуально-естественный процесс распада суперпозиции на отдельные фракции. Дело в том, что, во-первых, каждая перегруженная вниманием и фанатами позиция имеет слишком много талантливых лидеров, большинство которых хотят самореализоваться в самостоятельном проекте. И во-вторых, в любом реципируемом идеологическом содержании рано или поздно, но непременно появятся «уши» наших архетипов – универсализма и контекстуализ-

ма, или же западничества и славянофильства, прогрессизма и консерватизма, левого и правого и т. п. Хотя они все и будут в данном случае с «постмодернистским душком». Из постмодернистов выйдут и неомарксисты, и неоконсерваторы.

Лидеры коалиции «философов мышления и литературы» уважаемы и известны в поле интеллектуального внимания художническо-литературной, медийной и студенческо-продвинутой среды. Известны именно как «настоящие философы», в отличие от «скучной, казенной, университетской» философии.

Долгое время сознательное игнорирование друг друга двумя крупнейшими силами отечественной философии приводило к самозамыканию и счастливому самодовольству. В последнее время, однако, паковый лед на границах между двумя наиболее сильными «удельными княжествами» нашей философии начинает постепенно оседать под воздействием тепла нешуточных эмоций от взаимных критических атак во вновь вспыхивающих – уже между ними – идентификационных дискуссиях.

Наконец, *четвертую* позицию, присутствующую в поле интеллектуального внимания современного философского и, шире, гуманитарного сообщества, – наряду с неомарксистами, когнитивистами и язычниками, – трудно назвать даже «коалицией», как предшествующие фракции. Людей, которых мы объединяем здесь в некое целое, в реальной жизни ничто не согласует друг с другом, и, может, они даже с возмущением отвергнут помещение их в некий один общий «теоретический вольер» как очевидное насилие.

Это наиболее разношерстная из всех приведенных ранее теоретических позиций, являющаяся скорее нашей мысленной конструкцией. Вместе с тем конструкция имеет под собой основание некой парадигмальной общности, присущей группам, составляющим фракцию «контекстуалистов». Данная фракция еще не столь заметна, как когнитивисты и особенно язычники, однако за счет ярких лидеров и подъема национализма ее влияние растёт очень быстро.

Вместе с тем это наиболее распыленный сегмент поля интеллектуального внимания, сюда входят довольно отличные группы:

– «революционный консерватизм», массмедийствующие философы, прошедшие (переболевшие) через постмодернизм;

– славянофилы традиции – группа С. Хоружего и «эпигоны», «лубочный» вариант славянофильства.

Различие между двумя ветвями контекстуализма в том, что формат мышления последних, ортодоксов, прямо определяем наследием восточно-христианского дискурса, русской религиозной философии и евразийства. Свои проекты они видят как органическое, эволюционное развитие традиции с использованием некоторых современных методологических средств (феноменология, антропология).

«Революционеры» также апеллируют к традиции, полагая вместе с тем необходимость неких экстренных радикальных мер, поскольку дело (разрушения, разложения России, национальных основ) зашло слишком далеко. Остальные же фракции в поле интеллектуального внимания, из-за их нероссийского парадигмального первородства, – естественные оппоненты для контекстуалистов.

Их парадигмальная общность образуема следующими составляющими:

- неприятие рационалистических трендов западной культуры, равно как и нигилизм по отношению к их российским аналогам, алармизм относительно катастрофичности современности в ее профанации и симуляризации;

- апелляция к славянофильской генеалогии;
- «экзистенциально-художественное философствование», разудалая мифопоэтика;

- спекулятивные построения универсальных схем и уникальных идентичностей.

Они не связаны в той степени, как, к примеру, «неомарксисты», «когнитивисты» или же «язычники», требованиями когерентности, им не нужно строго вписываться в предшествующую рационально-систематическую традицию основных направлений западноевропейской или же англо-американской философии. Как и их предшественники, русские религиозные философы, они – спекулятивные метафизики, т. е. сами себе полагают основания и вполне комфортно в них резвятся. Такая безотчетность позволяет им создавать красивые глобальные конструкции, отчасти опирающиеся на действительные реалии, привлекая «толпы фанатичных студентов, сорокалетних женщин и любителей халявных чаепитий». Нечего говорить и о том, что масс-медиа также любят интересных, фактурных философов.

Построения на самом деле красивы. И названия также громоздки: «археомодерн» (А. Дугин), «археоавангард» (Ф. Гиренок), «синергичная антропология» (С. Хоружий), «экзистенциальная культурология» (Г. Гачев), «прикладная метафизика» (А. Секацкий), «философия отчего края» (В. Варава) и т. п. Построения эти обладают прелестным свойством неопровержимости, потому что для спора нужно хотя бы отчасти принять послышки оппонентов, иметь общую почву для споров. В знаменательном столкновении «путейцев» и «логосовцев» начала прошлого века какая-никакая дискуссия стала возможной благодаря общепонятной и общепринятой платформе немецкой классической философии, еще актуальной в те времена.

Кроме отмеченной выше парадигмальной общности, философы, тяготеющие к «контекстуализму», имеют и некоторые общие паттерны возведения своих мировоззренческих конструкций:

- Полагание неких *всеобщих схем человеческого развития*. Присутствуют схемы двоякого характера:

- а) линейные – «премодерн-модерн-постмодерн» (А. Дугин, Ф. Гиренок), «жрецы-маги – воины – пишущее сословие – гламур и актерство» (А. Секацкий);

- б) мультикультурные – «многовариантность народов и их культур, где каждая национальная целостность представляет собой космо-психо-логос» (Г. Гачев), западная и восточная (византийская) христианско-культурные традиции (С. Хоружий, В. Варава).

- Присутствует *особое внимание к описанию российской спецификации культурного бытия*:

- а) «археомодерн» – сосуществование «керигмы» (индивидуально-рефлексивное начало – декартова, т. е. западного образца) и «структуры» (архетипов отечественного национально-бессознательного) в конфликтном и неупорядоченном состоянии (А. Дугин);

- б) Россия как «трансгрессировавшее государство, то, что не находит себе покоя в составе наличного и отдает себя служению большим иллюзиям» (Ф. Гиренок);

- в) наша суть в «стремлении к синергии, согласованности действия, соединению разнотелных энергий – Божественных и человеческих в предельных проявлениях» (С. Хоружий);

- г) нам характерно «высокое этическое напряжение, не поддающееся выражению в какой-либо логически ограниченной форме» (В. Варава).

- *Основная проблема* – в насилии глобализации и вестернизированной унификации (десубъективации): «эгалитарно-гуманистические принципы постиндустриальной европейско-американской цивилизации несовместимы с духовно-мистическими основами российского исторического бытия. Только имперская форма государственности способна нацеливать Россию на решение сверхзадач, требующих сверхусилий, т. е. обеспечивая великой стране полноценное и адекватное ее природе существование».

- *Спасительный выход* видится в пестовании «русского субъекта», нашей, родной керигмы, из нашей же хтони национального бессознательного (А. Дугин). Либо надобно построить «археоавангард»: из «архе» и немотствующих черепков современного российского сознания вырастить (пересказать в авангардных терминах) одинокую, но ужасно симпатичную, нашу «самость» (Ф. Гиренок). Каковы же средства пестования и взращивания? Это семиозисы веры, азарта, ревности, авантюры, которые и рекультивируют настоящего, «первородного» субъекта. Сохранность трансцендентного, ценностей иерархии позволят одержать окончательную победу.

Можно избрать и аристократически-индивидуальный эзотерический путь «антропологического размыкания», подобно исихастским практикам самоконцентрации в стремлении к запредельному, когда человек входит в контакт с Иным, самоконституируется, раскрывается и подключается к немереному источнику энергии (С. Хоружий). Но это – для монахов и увлеченных исихазмом фило-

софов. Простой же и общенародный способ: «надо философствовать из себя, т. е. из Бытия и Вечности, без оглядки на какие-либо философские догмы, умно и сердечно».

Такова, как представляется, панорама *активных участников* современного, во многом еще не централизованного поля интеллектуального внимания в области общих мировоззренческих и относительно частно-философских интересов. Естественно, что она является выражением событий, происходящих прежде всего на московском интеллектуальном подиуме (ну, отчасти, Питера и ряда крупных региональных центров). Если где еще и существует интенсивная интеллектуальная жизнь, то она, увы, неизвестна и вследствие того не может оказать сравнимое воздействие на ход отечественного философского развития.

Что дальше? Хотя самонадеянных личностей, называемых предсказателями, всякий раз ждет незавидная участь разочарования и разоблачения вследствие всегдашней мутности будущего, люди всё равно живо ими интересуются. Здесь есть апробированные варианты цыган, делающих акцент на общую повторяемость экзистенциальных рисунков судеб (казенный дом, хлопоты, дамы и короли разных мастей), и библейских пророков апокалипсиса, вещающих о катастрофах, войнах и недородах, которые также повторяются, хотя и реже.

В «цыганском измерении» можно сказать, что продлится, пока есть сообщество людей со сходными интересами, эволюция российской философской рефлексии – в контексте как самородных, так и рецепируемых направлений, в формате их фракционной борьбы в поле интеллектуального внимания.

«Сильные» фракции будут раскалываться, «слабые» объединяться – процесс, «цель которого ничто, а движение всё». Обычный «экзистенциальный рисунок» жизни. Рецепция будет возобновляться согласно текущим потрясениям в западной интеллектуальной жизни, а контекстуалисты будут привычно апеллировать к нашей незаурядности.

Проекты «завоевания» западных философских рынков или хотя бы даже «развивающихся» – наш привычный утопизм. Даже если мы-таки вырастим столетиями лелеемого субъекта с большущей керигом, ни декартова рациональность, ни юго-восточный традиционализм, ни исламский догматизм его попросту не «вместят». Никому, кроме самих себя, мы не нужны. Вот если бы не в малопонятном философском клетоте, а в более привычном литературно-философском «внутреннем потоке» à la наши основатели, – ну, тогда еще «может быть».

В отношении «потрясений», видимо, вообще всему «духовному производству» предстоят большие изменения – в связи с информационной революцией: катастрофой с бумажной книгой, перемещением существенной части душевной жизни в Интернет и странными, еще не отрефлексированными ее изменениями. Грядет что-то неизведанное, – впрочем, мы это слышим уже несколько тысячелетий, со времен тех же библейских пророков.